

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2

Оригинальная статья

Шаповалова И. С. ,
Заводян И. С. ,
Валиева И. Н.

**Молодежь российского приграничья:
проблема этнической идентичности и толерантности**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308000, Россия, Белгород, ул. Преображенская, 78
shapovalova@bsu.edu.ru, zavodyan@bsu.edu.ru, valieva@bsu.edu.ru

Аннотация. В условиях геополитической напряженности и одновременной устремленности общества к формированию «безграничной» толерантности, важнейшими индикаторами благополучия и риска становятся показатели этнической идентичности и этнической толерантности. Данная исследовательская повестка особенно актуальна в разрезе изучения молодого поколения, как стратегически важной части национального человеческого капитала. Научной целью статьи является изучения факторов, показателей и диспозиций этнической идентичности и толерантности молодежи российского приграничного региона. В статье предложены результаты количественного исследования молодежи, в рамках которого определена факторная модель этнического самоопределения, операционализована типология этнической идентичности, построены профиль и индексы этнической толерантности и произведена оценка среды социализации молодежи по критериям ее толерантного благополучия. Научными результатами дискуссии становятся выводы о первичности факторов культурной интеграции и языковой включенности над наследственными факторами в этнической идентификации; вводится понятие «отсроченной этнической самоидентификации». Обозначается риск, связанный с наличием весомых показателей для девиантных типов этнической идентификации (порядка 23%) и подчеркивается проблема формирования социализационных траекторий молодежи, приводящих к таким социализационным результатам. Доказывается наличие ценностной трансформации, определяющей изменение этнического сознания и мышления, а также конфликта существующих форм управления молодежью, молодежной политикой и собственно молодого поколения – его ценностей, установок и интересов. Показывается роль и конфликтный ландшафт среды этнической идентификации молодежи, существующий в российском приграничном регионе.

Ключевые слова: молодежь; национальность; этническая идентичность; факторы этнической идентичности; этническая толерантность; границы толерантности; среда социализации; результат социализации

Информация для цитирования: Шаповалова И. С., Заводян И. С., Валиева И. Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 21-38. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2

Благодарность: Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

Original article

Inna S. Shapovalova ,
Irina S. Zavodyan ,
Irina N. Valieva

**Youth of the Russian borderlands:
the problem of ethnic identity and tolerance**

¹Belgorod State National Research University
308000, 78, Preobrazhenskaya St., Belgorod, Russia
shapovalova@bsu.edu.ru, zavodyan@bsu.edu.ru, valieva@bsu.edu.ru

Abstract. In conditions of geopolitical tension and the simultaneous striving of society to form “unlimited” tolerance, indicators of ethnic identity and ethnic tolerance are becoming the most important indicators of well-being and risk. This research agenda is especially relevant in the context of studying the younger generation as a strategically important part of the national human capital. The scientific purpose of the article is to study the factors, indicators and dispositions of ethnic identity and tolerance of young people in the Russian border region. The article proposes the results of a quantitative study of youth, within the framework of which the factor model of ethnic self-determination is determined, the typology of ethnic identity is operationalized, the profile and indices of ethnic tolerance are constructed, and the environment of youth socialization is assessed according to the criteria of its tolerant well-being. The scientific results of the discussion are conclusions about the primacy of factors of cultural integration and linguistic involvement over hereditary factors in ethnic identification; the concept of "delayed ethnic self-identification" is introduced. The risk associated with the presence of significant indicators for deviant types of ethnic identification (about 23%) is indicated and the problem of the formation of socialization trajectories of young people, leading to such socialization results, is emphasized. The author proves the existence of a value transformation that determines the change in ethnic consciousness and thinking, as well as the conflict of existing forms of youth management, youth policy and the younger generation itself - its values, attitudes and interests. Shows the role and the conflict landscape of the environment of ethnic identification of young people that exists in the Russian border region.

Keywords: youth; nationality; ethnic identity; factors of ethnic identity; ethnic tolerance; the boundaries of tolerance; the environment of socialization; the result of socialization

Information for citation: Shapovalova I. S., Zavodyan I. S., Valieva I. N. (2021), “Youth of the Russian borderlands: the problem of ethnic identity and tolerance”, *Research Result. Sociology and management*, 7 (1), 21-38, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2

Acknowledgments: Program of fundamental and applied scientific research «Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity» 2020-2022.

Введение (Introduction). Процессы глобализации, несмотря на условное «свертывание» в последние годы, создали тенденцию возрастающей этнической транспарентности, поддерживаемой одновременно законами демократического общества и возрастающей цивилизованностью наций. Этническая идентификация перестает быть результатом нормативного набора признаков, а становится итогом, в том числе, и индивидуального выбора, связанной с интериоризацией этнических норм, традиций и культурных нематериальных атрибутов. Предложение этнического самоопределения находит отклик в том числе и среди молодежи – как акт свободного выбора и уважения личности.

Проблема этнической идентичности молодежи остро стоит не только в мультикультурных регионах, но и в регионах, имеющих приграничное расположение – сопредельное государство часто влияет на реверсные процессы миграции, создает лакуны смешения культур, активной коммуникации. В случае активного сотрудничества государств-соседей, данный вопрос приобретает акцент изучения взаимопроникновения культур, их синергии и прочих выгод этнического содружества. Касаясь вопроса этнической идентичности в ситуации межгосударственного конфликта акценты смещаются в сторону изучения этнической толерантности, отторжения и этнической дистанции. Немаловажным аспектом изучения становятся и факторы этнической идентификации, позволяющие очертить условия этнического выбора для молодежи в сопредельных территориях, для нивелирования возможных конфликтов.

Изучение этнической толерантности, причин возникновения отторжения представителей определенных наций, особенно среди молодежи, позволяет заблаговременно определить возможные точки непереносимости, активации экстремистских практик, возникновения протестных инцидентов на национальной почве. Научной целью данной статьи является изучения

факторов, влияющих на этническую идентичность и толерантность молодежи российского приграничного региона, определение показателей ее этнической толерантности к национальностям, встречающимся на приграничной территории.

Методология исследования (Methodology and methods). В современной исследовательской повестке проблемы молодежной этнической идентичности и этнической толерантности часто бывают разведены и формируют собственный фарватер исследовательского дизайна и индикаторики.

Так, фундаментальные основы изучения этнической идентичности молодежи в полиэтнической среде, в периметре социологического знания рассматриваются в работах Е. Ю. Чеботарёвой (Чеботарёва, 2012), П. Л. Полежаева (Полежаев, 2019), А. В. Аникиной и О. К. Шиманской (Аникина и Шиманская, 2016). Контекст совместного рассмотрения этнической и гражданской идентичности молодежи предложен в работах Е. М. Арутюновой (Арутюнова, 2017), что опять приводит нас к связке индикаторов толерантности и патриотизма. Особую актуальность приобретает статья авторского коллектива А. И. Донцова, Е. Б. Перельгиной и О. Ю. Зотовой, где среда формирования этнической идентичности молодежи рассматривается с позиции ее рискогенности и неопределенности (Донцов, Перельгина, Зотова, 2019). Есть ряд авторов, которые рассматривают этническую идентичность с позиции тех систем, куда она включается, как правило это междисциплинарные работы, имеющие психологическую и педагогическую основу (Бублик, 2014).

Но, конечно, основной пласт исследований посвящен локальным проблемам этнической идентичности (Жандарова и Попова, 2009; Арутюнова, 2012), связанным с полиэтническими, или, как в нашем случае, приграничными территориями. В этих работах поднимаются в том числе сопряженные с этнической идентичностью молодежи конфессиональные проблемы

(Склярова, 2008; Луговой, 2011; Габдрахманова и Мухаметзянова, 2016), проблемы малых народов (Целищева, 2007), проблемы мультикультур (Мадюкова, Персидская и Попков, 2017).

Отдельного внимания заслуживают работы, позволяющие увидеть определенные возможности анализа этнической идентичности, например, аспекты ее изучения в контексте глобализации затронуты авторским коллективом Р. Б. Шайхисламова, Р. И. Ирнарзорова, Э. В. Садретдиновой и Н. В. Коровкиной (Шайхисламов, Ирнарзоров, Садретдинова и Коровкина, 2013). В статье авторов А. В. Гришиной, С. Л. Лунина (Гришина, Лунин, 2015) рассматриваются возможности использования типологизации этнической идентичности молодежи в контексте управленческих решений принятия вынужденных мигрантов Украины (что актуально для региона исследования). В работах авторов статьи также есть аспекты, позволяющие говорить о ценностных установках молодежи и их трансформации (Шаповалова, Кисиленко, 2018), а также проблемах этнической специфики реализации молодежной политики (Шаповалова, Маликова, 2018).

И, конечно, внимания в этой связи заслуживают труды коллективов ученых и исследователей, в которых непосредственно отражена ситуация межэтнических отношений макрорегионов, как например в книге «Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России» (Мониторинг межэтнических отношений..., 2020), или, рассмотрение проблемы с другой стороны – этническая идентичность в условиях чужого этноса, как, например, в книге «Русский мир в меняющемся мире» (Русский мир в меняющемся мире, 2018).

Другая, затрагиваемая нами в статье дефиниция, не менее сложная, не менее интересна, и, не менее представленная на исследовательском «олимпе» – этническая толерантность молодежи. Важность данной темы для различных аспектов, ее

«проницаемость» в научные интересы, а также необходимость постоянного мониторинга, дает весомый пул публикаций российских исследователей. Мы хотели бы упомянуть здесь только самые важные на наш взгляд, которые позволяют сформировать методологические основы ее исследования. Среди таких работ можно выделить статьи Ф. Э. Шереги (Шереги, 2010), Е. А. Самсоновой, Е. Ю. Юдиной (Самсонова, Юдина, 2009), Н. В. Проказиной (Проказина, 2016), Е. В. Гутман, Л. А. Шибанковой, П. И. Захаровой (Гутман, Шибанкова и Захарова, 2015), диссертации Е. С. Лазаревой (Лазарева, 2012), С. Н. Хамовой (Хамова, 2005) и Н. С. Гаджигасановой (Гаджигасанова, 2012).

В 2020 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета совместно с коллективом Башкирского государственного университета было проведено исследование методом формализованного, структурированного интервью в приграничном регионе Российской Федерации, сопредельным государством в случае данного исследования выступало государство Украины (конфликтующая территория). В исследовании принимала участие молодежь в возрасте от 17 до 35 лет (обучающаяся, студенческая, работающая). Выборка исследования была квотной, репрезентативной по полу, возрасту, территории поселения и составила 500 человек (доверительная точность 95%, доверительный интервал 4,38%). Целью исследования было определить факторы формирования этнической идентичности молодежи приграничного региона, ее этническую толерантность и принципиальные диспозиции в вопросе формирования этнической толерантности и идентичности.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Родство украинского и русского народа не устанавливает четкой границы этноса, но существующий государственный кон-

фликт, в большей мере предопределяет этническое восприятие в периметре территории. Опрошенная молодежь российского приграничья, несмотря на этническое родство, наличие корней (в связи с сопредельностью территории), большей частью воспринимают себя как представителя русской национальности (93,6%), к украин-

ской национальности отнесли себя только 5,4% респондентов. Ключевыми факторами этнической идентичности для молодых людей являются этнические корни – национальность родителей определяет выбор этнической идентичности (77,0%), территория проживания (65,2%) и язык (57,2%) (рис. 1).

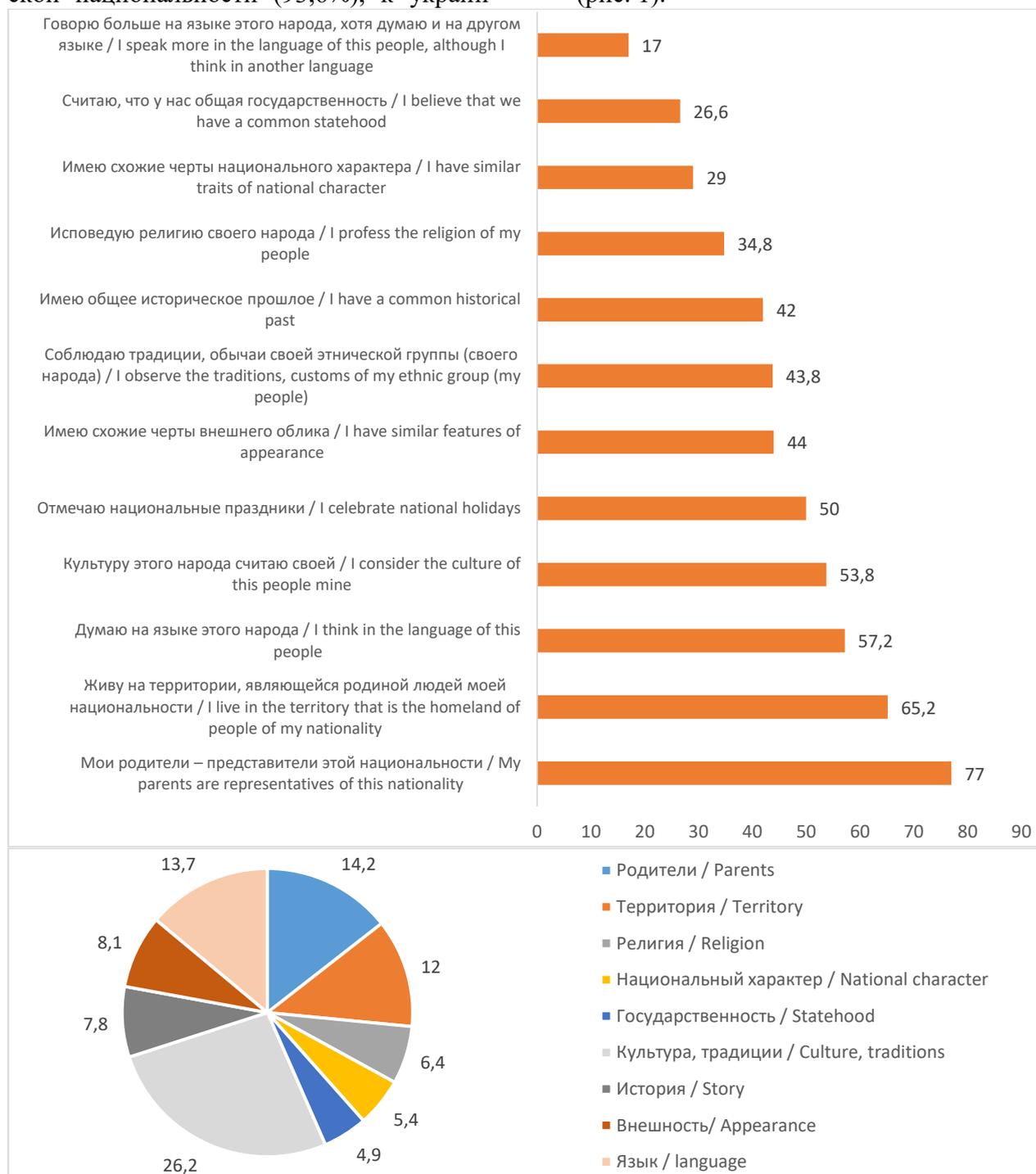

Рис 1. Факторы этнической идентичности
Fig. 1. Factors of ethnic identity

Превалирование «биологического», наследственного фактора национальной идентичности с одной стороны определяет для нас пассивное этническое соотношение. Все, что связано с активным выбором, следованиям признакам этноса, выбирает меньшая часть респондентов. Но, рассматривая все факторы, как группы мы видим, сколь велика роль национальной культуры и традиций (совокупно группа факторов занимает 26,2%) – в долевом эквиваленте она становится первой по значимости. Вслед за родственными корнями в долевом сегменте идет язык – думать и говорить на языке – значит соотносить себя с этносом, иметь этническую идентичность.

Для определения диспозиций в отношении этнической идентичности, молодым людям были предложены к оценке

суждения, относящиеся к этим дефинициям. Выражение согласия или не согласия с высказываниями, позволило установить акценты в отношении восприятия межэтнических (межнациональных) отношений и распределить молодых людей по типам этнической идентичности (рис. 2): так, было определено, что молодежь, участвующая в исследовании как правила, относится к *нормальному типу этнической идентичности* (77,4%). Для этого типа характерны открытая этническая идентичность, интерес к традициям и образу жизни других народов, уважение к их языку и культуре, готовность иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия, мирное ведение межнациональных споров.

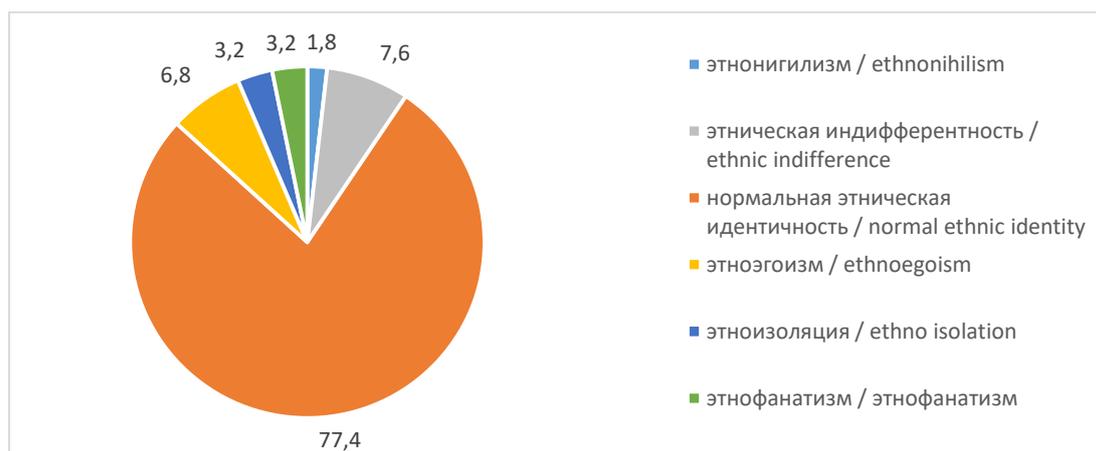

Рис. 2. Типы этнической идентичности
Fig. 2. Types of ethnic identity

Несмотря на типологическое большинство, в молодежной среде весомым является и *этнически индифферентный* типаж (7,6%) – такой тип молодежи считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения, не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную, безразлично относится к своей национальной принадлежности, не относится серьезно к межнациональным проблемам и считает, что его народ не лучше и не хуже других народов. В принципе – молодые люди, находящиеся на такой нейтральной

позиции, могут вполне дополнить благополучную группу с нормальной этнической идентичностью.

Другие типы идентичности, хотя и представлены в меньшинстве, но далеко не так безобидны. Так, 6,8% приграничной молодежи стоят на позиции *этнического эгоизма*, то есть предпочитают образ жизни только своего народа, нередко чувствуют превосходство своего народа над другими, считают, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей, испытывают напряжение, когда слышат вокруг себя чужую речь,

раздражаются при близком общении с людьми других национальностей. Такая характеристика заставляет нас сигнализировать о наличии такой, с другой стороны уже и не такой маленькой группы.

Следующие два типа имеют сходную статистическую представленность (3,2%), и близкий характер по отношению к своему и чужому этносу. Так, тип ориентированный на *этноизоляцию* считает, что межнациональные браки разрушают народ, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов, свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами, считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур – наличие агрессивных аспектов восприятия этнического многообразия не может не выливаться в агрессивный настрой у адептов этого типа. Представители типа *этнофанатизма* считают, что права нации всегда выше прав человека, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа, считают строго необходимым сохранять чистоту нации, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на их национальной территории, что на их земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только их народу. Агрессивность двух этих типов и схожесть идеалов, позволяет говорить, по сути об объединенной группе молодых этнических фанатиков на изучаемой территории, совокупно составляющей 6,4%.

Самым редко встречающимся типом среди молодых людей становится *этнический нигилизм* (1,8%). Представители такого типа ощущают превосходство людей другой национальности, часто испытывают стыд за людей своей национальности, трудно уживаются с людьми своей национальности, чувствуют неполноценность из-за своей национальной принадлежности, по большому счету, не уважают свой народ.

Определение факторов этнической идентичности стало платформой для раз-

говора о «российском этносе», «российской нации» – самом понятии и существовании, в противовес существующих понятиях об «американской нации», «французской нации» и т.д. Выбирая среди развернутых ответов на данный вопрос стоит сразу оговориться, что большинство молодых людей не знакомы с данным понятием (31,4%), считают, что слово нация не подходит для обозначения многонационального народа (12,0%) или не имеют мнения по этому вопросу (11,2%). Оставшиеся 45,4% респондентов распределились среди мнений о том, что российской нацией можно считать все народы, проживающие на территории нашей страны (15,8%); российская нация – это русские как государствообразующий народ, другие же народы страны – это отдельные нации (12,8%); российская нация – это объединение людей разных национальностей вокруг русских (12,4%); российская нация – это пустые слова, без особого содержания (4,4%). По разделению мнений мы видим скорее отрицательное восприятие введения такого понятия (совокупно 59% против 41%), положительной полюс скорее смещен в сторону мультинационального восприятия, нежели центрированности на русских как ключевой национальной «составляющей» (28,2% против 12,8%).

Дополнительным моментом, позволяющим прояснить отношение молодежи к своему этносу, стал вопрос, связанные с понятием Родины – что есть это понятие для молодежи вообще и применительно к России в частности. И здесь, на рассмотренную выше типологию этнической идентичности, накладывается несколько иная матрица анализа, которая позволяет усомниться в реальных границах указанных ранее типов. Так, например, определяют Родину для себя, как место комфортного проживания, независимого от факта рождения, 34,0% молодежи – по сути, это указывает на один из показателей этнической индифферентности, ограниченной ранее 7,6% случаев. Такой выбор не случаен – по ряду других исследований мы видим повышение миграционной готовности

молодежи, высокую территориальную мобильность и даже стремление к ней – мобильность, как показатель успешности.

Конечно, самым популярным молодежи ответом становится патриотический вариант («я считаю Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране»), но выбравшие его 37,8% – не тот показатель, который позволяет говорить о подавляющем большинстве. И в расширении этого выбора существует группа 10,6%, демонстрирующая «условную любовь» – готовность считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах. Эта группа од-

нозначно дополняет молодежь, ориентированную на комфортность проживания, увеличивая ее до 44,6%.

Большое количество затруднившихся с ответом на этот вопрос (11,0% не задумывались над ним, а 6,6% думали, но пока не определились – еще несколько лет назад ответы на подобные вопросы не набирали более 5%) показывает, что идет серьезная ценностная трансформация молодежного самосознания.

Установление границ этнической дистанции позволило определить рельеф этнической толерантности (рис. 3).

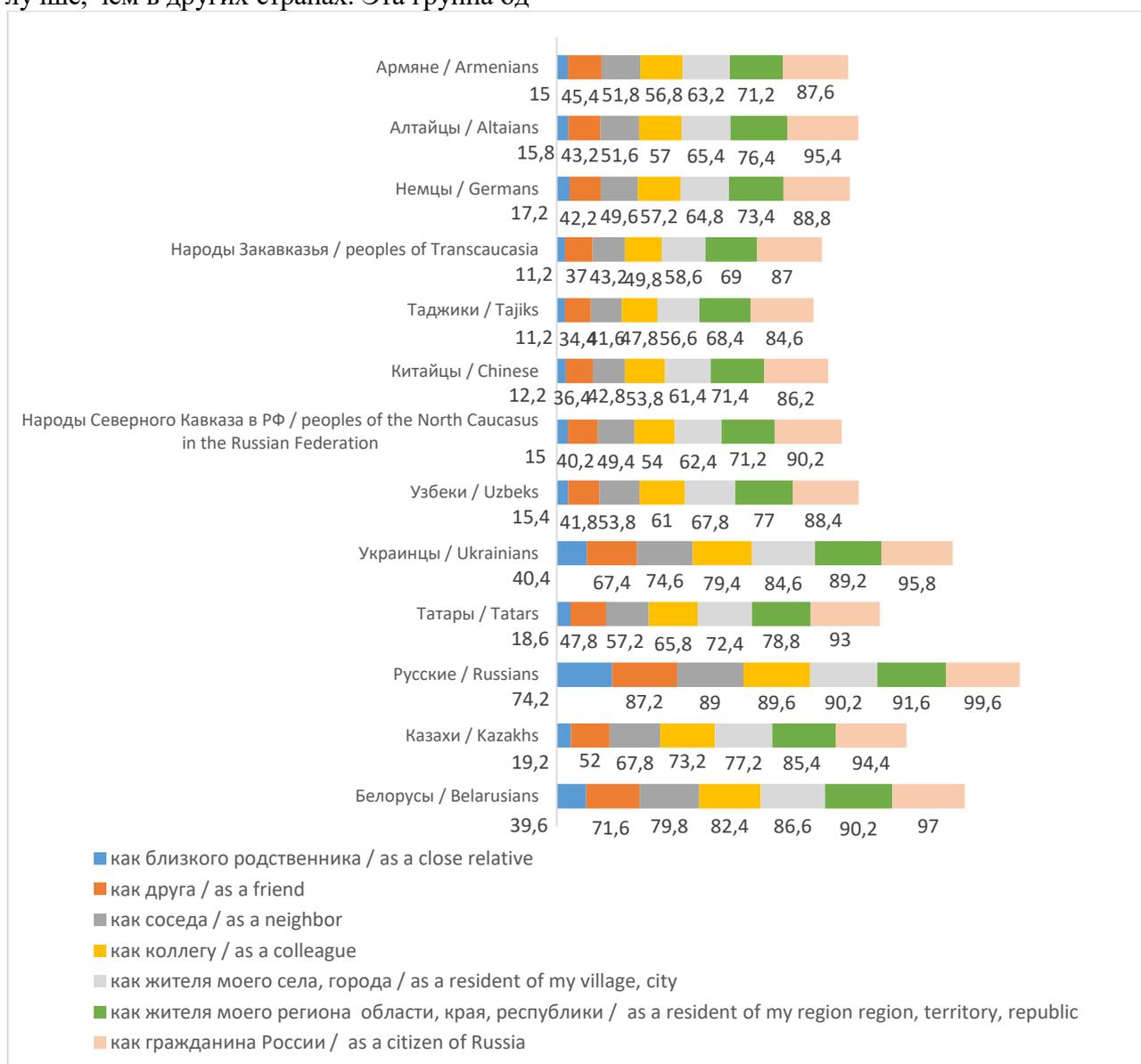

Рис. 3. Профиль этнической толерантности
Fig. 3. Ethnic tolerance profile

Шкала этнической дистанции включала в себя разные уровни близости коммуникации, от гражданственности, до полной ассимиляции через институты семьи и родственные отношения. Согласно гипотезе исследования, которая полностью подтвердилась, более низкий уровень этнической дистанции автоматически включает в себя впереди идущие уровни, отличающиеся большей дистанцией (на рисунке можно видеть, что все уровни образуют вариант «вложения», «матрешки», когда большая дистанция выбирается всегда большим количеством человек, чем идущая за ней меньшая этническая дистанция).

Сопряженность понятий этнической дистанции и этнической толерантности, может быть отражена в моменте соответствующих видов толерантности. Так, восприятие другого этноса как гражданина государства – соответствует гражданской толерантности; как жителя региона – региональной толерантности; жителя территории проживания – локальной толерантности; как коллеги – деятельностной толерантности, как соседа – домохозяйственной толерантности; как друга – коммуникативной толерантности; как родственника – родственной (или, говоря языком зоосоциологии, видовой) толерантности.

Таким образом, несмотря на то, что для региона исследования наиболее актуальным является определение этнической дистанции и толерантности к представителям украинской национальности, а, например, такие национальности, как немецкая, относят респондента к национальности страны дальнего зарубежья, мы можем видеть интересную картину.

Относительно гражданской толерантности в наибольшей степени молодежь российского приграничья толерантна к белорусам, украинцам, казахам, алтайцам и татарам (толерантность здесь выше 90%). Принципиально, данный вид толерантности не опускается ниже 80% и в своей нижней точке доходит до 84,6% для таджиков. Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод о высоком

уровне гражданской толерантности на приграничной территории.

Переходя к анализу региональной толерантности, мы видим, что ее значения заключены уже в период от 68% до 91% (наивысшим показателем, как и для всех остальных видов становится монотолерантность – отношение к основному этносу (русские)). Толерантность данного вида выходит за пределы 80% все для тех же национальных групп: белорусы, казахи, украинцы. В нижней границе располагаются такие народы как таджики, народы Закавказья и Северного Кавказа, армяне, китайцы.

Еще один этап снижения показателей толерантности мы фиксируем при переходе к виду локальной толерантности – здесь период согласия на уменьшение дистанции характерен для статистической группы от 56% до 90% (монотолерантность). При этом, качественный состав групп как «лидеров», так и «антилидеров» сохраняется.

Переход на качественно иной вид толерантности, предполагающий непосредственное взаимодействие (деятельностная толерантность) демонстрирует следующее снижение показателя, опуская его в период от 47% до 89%, с сохранением полюсных национальных групп. В этом виде толерантности мы впервые начинаем говорить о «не толерантности» (выход за пределы 50% по отношению к таджикам и народам Закавказья). Уменьшение дистанции до домохозяйства одновременно устанавливает нижний предел толерантного отношения в 41% для таджиков и в этом виде толерантности впервые происходит максимальное сближение в восприятии национальностей таджиков и китайцев (41,6% к 42,8%).

Переходя на уровень ближней коммуникации, мы видим, как стремительно «таят» показатели толерантности: так максимум составляет уже 87% (монотолерантность), а вот минимум опускается до 34,4% для таджиков. И, «впустить в семью» представителей другой национальности готовы уже меньшинство опрошен-

ных: так, если не говорить о монотолерантности, то близкородственное взаимодействие возможно для молодежи украинцами и белорусами примерно на 40%, а вот все остальные представители наций могут рассчитывать на этот вид толерантности со стороны не более чем 19% (казахи). Менее всего вероятности создать мультикультурную семью в приграничном регионе у таджиков, народов Закавказья и китайцев (11%).

Показательность данной иллюстрации, помимо снижения уровня толерантности при уменьшении этнической дистанции состоит еще и том, что лидерами принятия становятся представители близкого этнического типа (белорусы и украинцы, в том числе, несмотря и на сложную геополитическую ситуацию между Украиной и Россией, как нельзя более актуальную для приграничного региона), в то время как отторжение демонстрируется по отношению к типу отличному, не только

по культуре, но и по своим внешним характеристикам. Ксенофобия, как основа такого отторжения, проявляется по отношению к «чужому племени», где-то на уровне вида, не воспринимая его как близкий. И здесь, хотя мы и говорим даже о проявление «не толерантных» выборов, мы не можем говорить о вражде или каких-то других агрессивных проявлениях – на уровне гражданского общества ситуацию можно назвать мирной и, даже, солидарной. Но вот процесс ассимиляции, если бы он был необходим, скажем для мигрантов или переселенцев, становится фактически невозможным при таком ландшафте этнического восприятия.

Индексируя полученную информацию, мы можем установить индекс этнической толерантности по отношению к разным национальным группам (рис. 3). Данная диаграмма наглядно демонстрирует нам лидеров и аутсайдеров этнического принятия для молодежи приграничного региона.

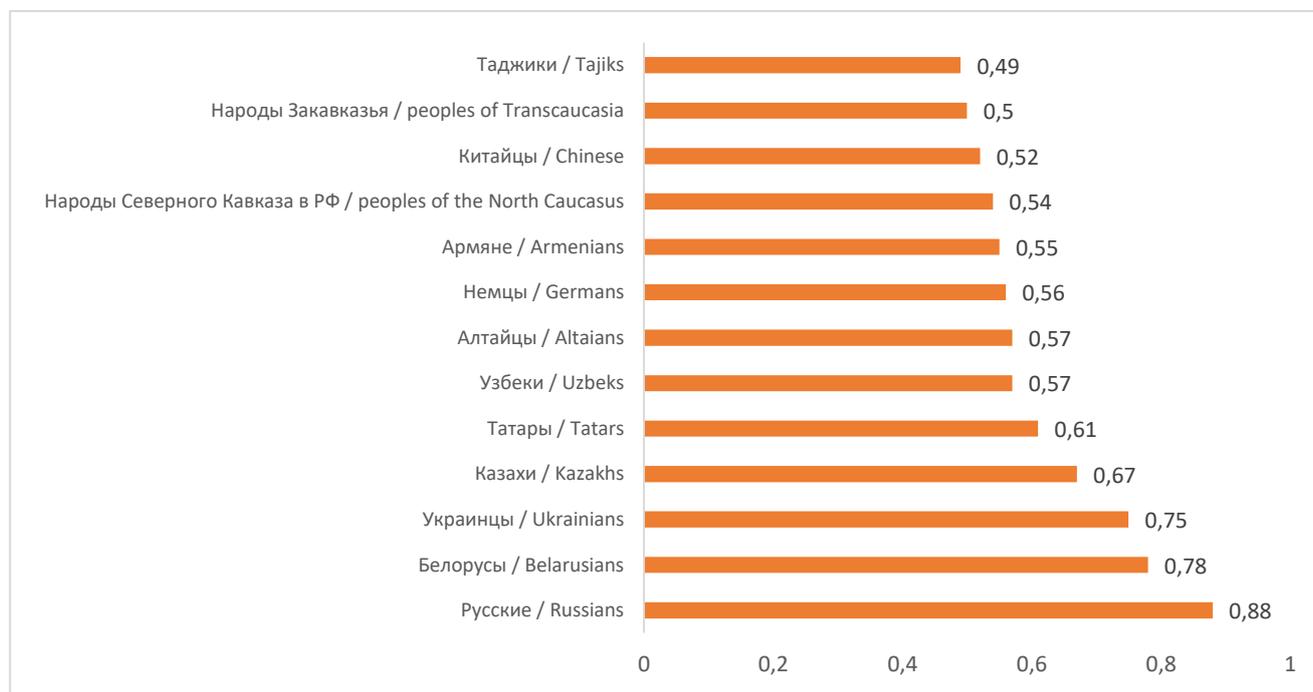

Рис. 4. Индексы этнической толерантности
Fig. 4. Ethnic tolerance indices

Непосредственно «не толерантность», как активный выбор по отношению к указанным национальностям, был

также получен нами в ходе исследования, и он в полной мере имеет обратную корреляцию с индексами рисунка 4.

Обусловленность такой неприязни и собственно причины этнических барьеров операционализируются респондентами через целый ряд факторов, лидерами среди которых становится отторжение позиции агрессивно лидерского поведения на чу-

жой территории (49,8%), отсутствие культуры и нарушение норм поведения (46,6%) и враждебное отношение к россиянам, проживающим на территории (45,2%) (рис. 4).

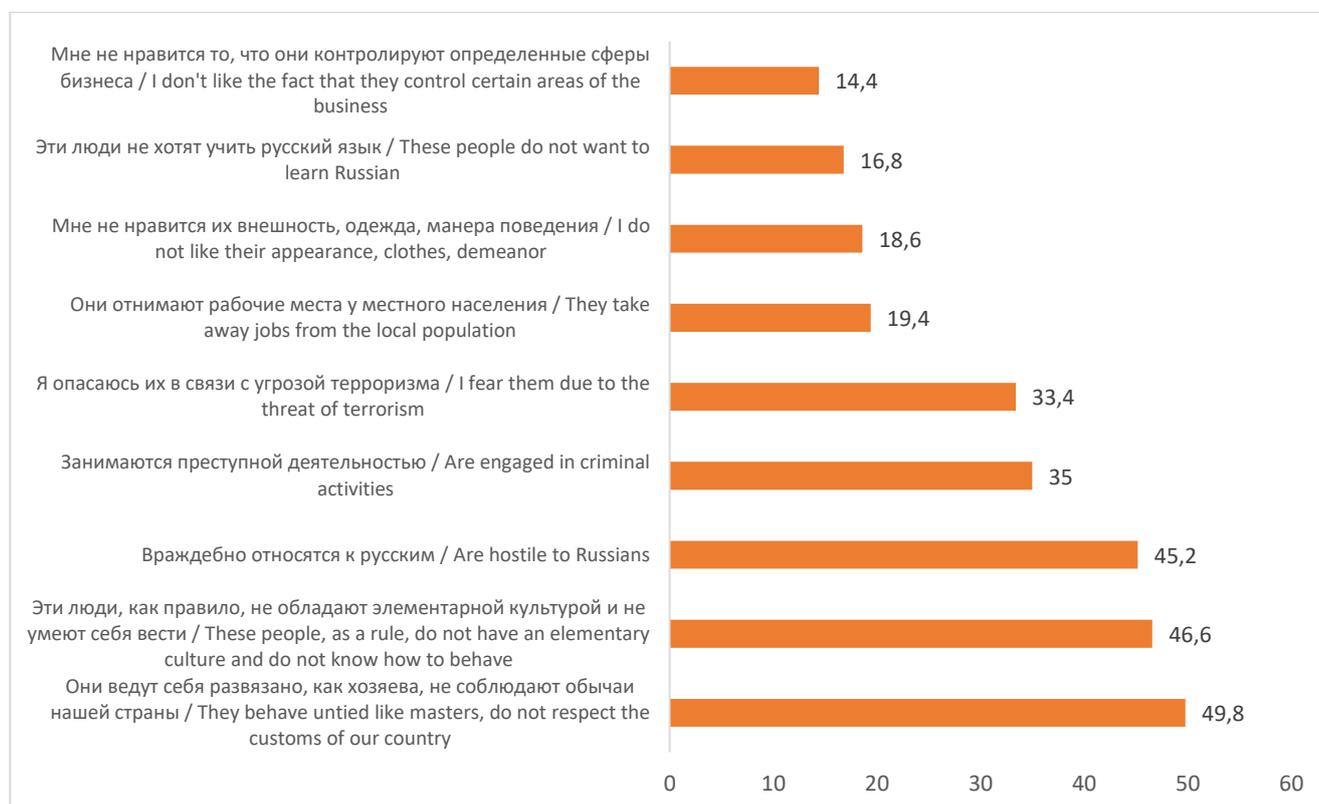

Рис. 4. Факторы этнической не толерантности
Fig. 4. Factors of ethnic intolerance

С одной стороны, можно предположить, что наиболее дистанцируемые представители национальностей проявили себя соответствующим образом на территории исследования, но региональная статистика показывает, что в приграничном регионе практически значимо не представлены отторгаемые национальности, соответственно, мы имеем дело с образом, имиджем, брендом национальности, воспринимаем респондентами как некая истина. Действительно, как показывают предшествующие исследования нашего коллектива, наличие в зоне близкого контакта представителей отторгаемых национальностей формирует

все уровни толерантности у коммуникантов – таким образом, в мультикультурном регионе может быть совершенно иная картина, чем на приграничной, но скорее монокультурной территории.

Толерантная среда, среда благоприятная для свободной этнической идентификации, среда положительная для мультиэтничности – все это условия, формирующие ореол социализации молодежи, позволяющий интериоризовать определенные ценности, установки и смыслы и преобразовать их в отношения и действия определенного, просоциального характера (рис. 5).

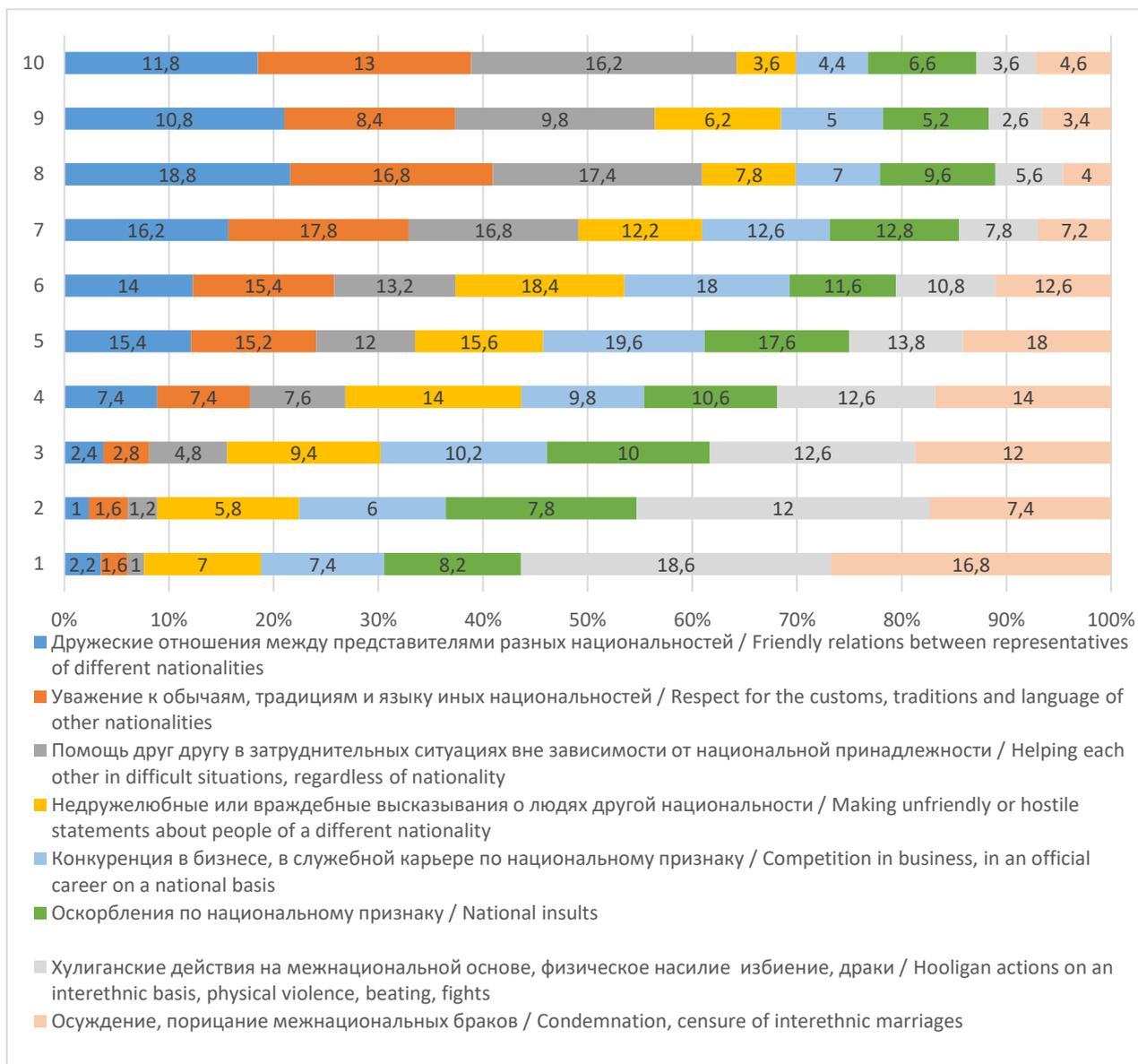

Рис. 5. Показатели среды этнического самоопределения молодежи российского приграничного региона

Fig. 5. Indicators of the environment of ethnic self-determination of youth in the Russian border region

Для детальной оценки показателей мы возьмем уровневую систему – рассмотрим каждый индикатор с позиции наличия оценок, укладывающихся в периоды «низкий» (оценки от 1 до 3), «средний» (оценки от 4 до 6) и «высокий» (оценки от 7 до 10) – статистическое преобладание уровня покажет нам концентрацию рефлексивного восприятия ре-

спондентов по каждому из показателей среды (см. табл.). При этом для показателей, связанных с негативными тенденциями мы сделаем обратную, реверсную оценку уровней («низкий» от 7 до 10, «высокий» от 1 до 3) – воспринимая для общности анализа, что низкий уровень показывает не наличие тенденции, а оценку состояния (по сути отрицательную оценку).

Таблица
Уровневая оценка показателей среды формирования этнической идентичности
для молодежи российского приграничного региона

Table
Level assessment of indicators of the environment for the formation of ethnic identity
for young people in the Russian border region

Показатель среды / Environment indicator	LEVEL		
	Низкий / Low «-»	Средний / Medium	Высокий / High «+»
Дружеские отношения между представителями разных национальностей / Friendly relations between representatives of different nationalities	5,6	36,8	57,6
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей / Respect for the customs, traditions and language of other nationalities	6	38	56
Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности / Helping each other in difficult situations, regardless of nationality	7	32,8	60,2
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности / Making unfriendly or hostile statements about people of a different nationality	29,8	48	22,2
Конкуренция в бизнесе, в служебной карьере по национальному признаку / Competition in business, in an official career on a national basis	29	47,4	23,6
Оскорбления по национальному признаку / National insults	34,2	39,8	26
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие, избиение, драки / Hooligan actions on an interethnic basis, physical violence, beating, fights	19,6	37,2	43,2
Осуждение, порицание межнациональных браков / Condemnation, censure of interethnic marriages	19,2	44,6	36,2

Так, показатели коммуникативного восприятия в мультинациональном пространстве, уважение к культурному национальному арсеналу, а также мультинациональная солидарность общества имеют существенный перевес в верхнем уровне оценки – относясь к оценкам низкого уровня примерно, как 1 к 9. Границы оценок высокого уровня для этих показателей колеблются от 56% до 60%, показывая оценки большинства. Но следующие за ними показатели уже не имеют такого благоприятного распределения – их оценки преимущественно располагаются в зоне среднего уровня, или только немного пе-

рекрывают их по высокому уровню в оценках показателя физического насилия в отношении других национальностей. В случае показателей недружелюбия, конкуренции и оскорблений по национальному признаку мы видим превалирование оценок низкого уровня. Таким образом, совокупная оценка среды этнической идентификации молодежи представляет собой весьма неровный социальный ландшафт, где на фоне обще регионального солидарного поведения повседневными являются практики этнической дискриминации и даже экстремизма.

Заключение (Conclusions). Сложная ситуация, в которой в современной геополитической обстановке оказывают российские приграничные регионы, диктует исследовательскую повестку, важным вопросом которой становится этническая идентичность и толерантность граждан и особенно молодого поколения, как носителя, трансформатора национальной культуры, будущего национального человеческого капитала. Исследование, проведенное, казалось бы, в благополучном приграничном регионе, показало «подводные камни» не только локального, но и системного значения.

Так, по сути, анализ факторной модели этнической идентификации, приводит нас к пониманию изменения рангов ее критериев, превалирование значимости факторов культурной интеграции и языковой включенности над наследственными факторами. Данное обстоятельство, в совокупности с ценностными диспозициями и установками молодежи на глобализацию, свободу выбора, позволяет говорить о свободе «этнического выбора», волевом аспекте этнической идентификации и самоидентификации, и даже вводить новое понятие – «отсроченной этнической самоидентификации» (*сознательное и волевое определение собственной этнической принадлежности как итог целенаправленного этнического самовыбора и самоопределения*), наравне с отсроченным конфессиональным самоопределением.

Предложенная типология этнической идентификации позволила разделить молодежь на типы, и несмотря на превалирование «нормы», увидеть рискованные потенциалы, существующий в группах этнической индифферентности, эгоизма, и тем более этноизоляции, этнофанатизма и этнонигилизма. Сам факт существования, по-нашему мнению «девиаций» этнического самоопределения, позволяет говорить о весьма весомой группе молодежи с весьма нетривиальной ценностной конфигурацией в отношении этноса (эта группа порядка 23% – практически четверть мо-

лодых людей приграничного региона). Высокий потенциал риска возникновения националистских настроений, «ценностного заражения», возможно и экстремизма (который мы увидели в том числе в оценке показателей среды этнической идентификации), актуализирует необходимость детального изучения вопросов социализационных траекторий данных групп. Какие практики институтов социализации приводят к возникновению именно такого социализационного результата? Этот вопрос требует незамедлительного ответа.

Исследование факторов и диспозиций этнической идентификации показало наличие весомой ценностной трансформации по этому вопросу среди молодежи и вопрос, касающийся определения Родины и отношения к ней, это также подтвердил. Меняются не просто ценности и смыслы, меняется сам алгоритм мышления и жизненного выбора у молодежи. Это ставит серьезную задачу перед исследователями, с решением которой мы уже однозначно опоздали для молодежи, выходящей из стен вуза, а возможно и школы. На данный момент, *поколение «администрирующее» национальную политику ориентировано на другие ценностные профили, диспозиции и алгоритмы, использует адекватные им методы, к которым толерантна (не восприимчива) современная молодежь. Новых форм воздействия и взаимодействия не предлагается – косность мышления управляющих элит не позволяет даже представить ту глобальную трансформацию всех элементов сознания которая произошла и продолжает происходить у нового поколения.* Данная трансформация не будет безобидной – она будет преобразована в энергию действия и противодействия, что собственно мы сейчас и наблюдаем.

В очередной раз, на примере данного исследования мы увидели, как соотносятся между собой уровни декларативной и реальной толерантности – толерантность, предполагающая физическую и эмоциональную дистанцию, создает иллюзию

мультикультурного принятия и даже поощрения и интеграции (этнической солидарности). Однако смещение фокуса анализа в зону бытового и межличностного взаимодействия показывает на истинное «лицо» толерантности молодежи, весьма низкие значения, аутсайдерский круг национальностей и даже этническую нетерпимость. Все это позволяет сделать вывод – нельзя быть обманутыми внешней картинкой благополучия, необходимо честно обозначить отправные точки, их низкие значения и понимать, что этническая открытость – это результат долгой работы всех институтов социализации.

И, наконец, изучив региональную среду молодежь российского приграничья и оценив ее по ряду показателей, мы приходим к выводу о существующем рассогласовании общей региональной этнической толерантности на уровне настроений, установок и деклараций и наличие весомого инцидентного пласта верифицирующихся индикаторов, отражающих асоциальные аспекты поведения, этнической агрессии и нетерпимости. С одной стороны, разумеется такие факты не могут быть одобряемы среди молодежи, но с другой – мы снова вспоминаем о 23% девиаций в этнической идентификации, о невероятно низких показателях межличностной этнической толерантности, которую демонстрирует региональная молодежь в индикаторике уже собственного поведения, и понимаем – среда, главный фактор социализации и платформа формирования социализационного результата.

Список литературы

Аникина А. В., Шиманская О. К. Национальная и гражданская идентичность студенческой молодежи в зеркале социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1 (25). С. 118-126.

Арутюнова Е. М. Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана // Панорама Евразии. 2012. № 2 (10). С. 39-48.

Арутюнова Е. М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 259-272.

Бублик М. М. Психосемантическое пространство этнической идентичности молодежи: дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2014.

Габдрахманова Г. Ф., Мухаметзянова А. Р. Этническая идентичность татарской молодежи республики Татарстан: общероссийские, региональные и культурные символы // Вестник Российской нации. 2016. № 5 (50). С. 102-115.

Гаджигасанова Н. С. Особенности проявления этнической толерантности во взаимодействиях молодежных групп: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012.

Гришина А. В., Лунин С. Л. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12, № 2. С. 46-55.

Гутман Е. В., Шибанкова Л. А., Захарова П. И. Формирование толерантности в поликультурной образовательной среде // Казанский педагогический журнал. 2015. № 1 (108). С. 57-63.

Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю. Этническая идентичность молодежи, живущей в мире риска и неопределенности // В книге: Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире. Материалы XXI российской научно-практической конференции (с международным участием). Екатеринбург, 2019. С. 382-384.

Жандарова Я. В., Попова Н. Г. Этническая идентичность и ценностные ориентации городской молодежи Сибири (на примере молодежи Сургутского района ХМАО-Югры) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4 (26). С. 253-258.

Лазарева Е. С. Социально-культурные условия формирования этнической толерантности студенческой молодежи в процессе межкультурного общения: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2012.

Луговой Р. А. Типы этнической идентичности молодежи Дагестана в традиционной и иноэтнической среде // Известия Дагестанского государственного педагогического уни-

верситета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 2 (15). С. 9-15.

Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Общациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69-83.

Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 год / Ред. Т. Б. Смирнова, В. В. Степанов, Р. А. Старченко. Москва-Омск: «Издательский центр КАН», 2020. 181 с.

Полежаев П. Л. Этническая идентичность молодежи в современном мире // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2019. № 31. С. 1-6.

Проказина Н. В. Этническая толерантность в региональной молодежной среде // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2 (53). С. 114-121.

Русский мир в меняющемся мире / Отв. редактор и составитель Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018. 402 с.

Самсонова Е. А., Юдина Е. Ю. Этническая толерантность в сознании тульской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 10 (306). С. 66-69.

СклярOVA Д. В. Особенности этнической идентичности студенческой молодежи кабардинской, балкарской и русской этногрупп: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

Хамова С. Н. Особенности управления процессом формирования этнической толерантности учащейся молодежи: дис. канд. ... социол. наук. М., 2005.

Целищева В. Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов Дальневосточного региона // Социологические исследования. 2007. № 1 (273). С. 122-127.

Чеботарёва Е. Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22-28.

Шайхисламов Р. Б., Ирнарзов Р. И., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3 (65). С. 79-86.

Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 6. С. 14-28.

Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22-26.

Шереги Ф. Э. Этническая и религиозная толерантность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 2 (96). С. 21-40.

References

Anikina, A. V. and Shimanskaya, O. K. (2016), "National and civil identity of student youth in the mirror of sociology", *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, (1), 118-126. (In Russian)

Arutyunova, E. M. (2012), "Identities and ethnic attitudes of the youth of Bashkortostan", *Panorama Evrazii*, (2), 39-48. (In Russian)

Arutyunova, E. M. (2017), "State-civil and ethnic identity of youth: the all-Russian context and regional specificity", *Rossiya reformiruyushchayasya*, (15), 259-272. (In Russian)

Bublik, M. M. (2014), "Psychosemantic space of ethnic identity of youth", Ph. D. Thesis, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Gabdrakhmanova, G. F. and Mukhametzyanova, A. R. (2016), "Ethnic identity of the Tatar youth of the Republic of Tatarstan: all-Russian, regional and cultural symbols", *Vestnik Rossijskoy nacji*, (5), 102-115. (In Russian)

Gadzhigasanova, N. S. (2012), "Features of the manifestation of ethnic tolerance in the interactions of youth groups", Abstract of Ph. D. Thesis, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Grishina, A. V. and Lunin, S. L. (2015), "Types of ethnic identity of Russian youth as an indicator of positive readiness to accept forced migrants from Ukraine", *Rossijskiy psihologicheskiy zhurnal*, 12 (2), 46-55. (In Russian)

Gutman, E. V., Shibankova, L. A. and Zakharova, P. I. (2015) "Formation of tolerance in a multicultural educational environment", *Kazan-skiy pedagogicheskiy zhurnal*, (1), 57-63

Dontsov, A. I., Perelygina, E. B. and Zotova, O. Yu. (2019), "Ethnic identity of young people living in a world of risk and uncertainty", *Rossiyskiy chelovek i vlast' v kontekste radikal'nyh*

izmeneniy v sovremennom mire. Materialy XXI rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii, 382-384, Ekaterinburg, Russia. (In Russian)

Zhandarova, Ya. V. and Popova, N. G. (2009), "Ethnic identity and value orientations of Siberian urban youth (on the example of youth of the Surgut region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra)", *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (4), 253-258. (In Russian)

Lazareva, E. S. (2012), "Socio-cultural conditions for the formation of ethnic tolerance of student youth in the process of intercultural communication", Ph. D. Thesis, Tambov, Russia. (In Russian)

Lugovoy, R. A. (2011), "Types of ethnic identity of young people of Dagestan in the traditional and foreign-ethnic environment", *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, (2), 9-15. (In Russian)

Madyukova, S. A., Persidskaya, O. A. and Popkov, Yu. V. (2017), "National and ethnic identity of youth of ethnic groups of the Siberian republics in a comparative perspective", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3), 69-83. (In Russian)

Monitoring of interethnic relations and the religious situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert report for 2019, (2020), in Smirnova, T. B., Stepanov, V. V. and Starchenko, R. A. (eds.), KAN Publishing Center, Moscow-Omsk, Russia. (In Russian)

Polezhaev, P. L. (2019), "Ethnic identity of youth in the modern world", *Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii*, (31), 1-6. (In Russian)

Prokazina, N. V. (2016), "Ethnic tolerance in the regional youth environment", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, (2), 114-121. (In Russian)

Russian world in a changing world (2018), in Komarova, G. A. (ed.), IEA RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Samsonova, E. A. and Yudina, E. Yu. (2009), "Ethnic tolerance in the minds of Tula youth", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (10), 66-69. (In Russian)

Sklyarova, D. V. (2008), "Features of the ethnic identity of student youth of the Kabardian, Balkarian and Russian ethnic groups", Abstract of Ph. D. Thesis, Rostov-on-Don, Russia. (In Russian)

Khamova, S. N. (2005), "Features of managing the process of forming ethnic tolerance

among students", Ph. D. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian)

Tselischeva, V. G. (2007), "Peculiarities of ethnic identity of young people of small peoples of the Far East region", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 122-127. (In Russian)

Chebotareva, E. Yu. (2012), "Ethnic identity of youth in a multi-ethnic environment", *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, (1), 22-28. (In Russian)

Shaikhislamov, R. B., Irnazarov, R. I., Sadretdinova, E. V. and Korovkina, N. V. (2013), "Civic identity: the regional dimension of globalization", *Vestnik VEGU*, (3), 79-86. (In Russian)

Shapovalova, I. S. and Kisilenko, A. V. (2018), "Spiritual and moral choices in the life strategies of youth: the experience of sociological research", *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 13 (6), 14-28. (In Russian)

Shapovalova, I. S. and Malikova, E. V. (2018), "Implementation of state youth policy in Russia: regional aspect", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (6), 22-26. (In Russian)

Shergi, F. E. (2010), "Ethnic and religious tolerance of youth", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, (2), 21-40. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2020 г. Поступила после доработки 07 февраля 2021 г. Принята к печати 20 февраля 2021 г.

Received 23 December 2020. Revised 07 February 2021. Accepted 20 February 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author have no conflict of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Заводян Ирина Сергеевна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Валиева Ирина Николаевна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью

Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, doctor of sociology, professor, head of the department of sociology and work with youth of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Irina S. Zavodyan, Assistant, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Irina N. Valieva, Assistant, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.